

Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в.

Сбор таможенных пошлин на Руси известен издавна. В древнейших русских памятниках сбор за провоз товаров именовался *мытом*: и да входить в городъ ѡдними вороты съ цревымъ мужьмъ безъ ѡружья, мужь Н, и да творят куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта ни в чемь же (Договор Олега 907 г.). Производными *мытарь* или *мытник* обозначали сборщиков этой пошлины. Под наблюдением последних совершались и торговые сделки: так, по свидетельству Русской Правды, перед мытниками покупались и конь и порт, и скотина (Срезн. Матер., II, 221). В Древней Руси, — полагает С. М. Каштанов, — в XI—XII вв. слово *мыт* «обозначало еще не дифференцированную таможенную пошлину, взимавшуюся как за провоз, так и за продажу»¹.

Взимались пошлины и за взвешивание товаров с помощью «торговых мерил». За этим следили так называемые *весцы*. С зерна, ягод, орехов брали и зафиксированное в более поздних памятниках *осьминичье* или *восьминичье* (образованы от *осьмина* 'мера сыпучих тел'); *осьменик* как сборщик торговой пошлины упоминается в Уставе Ярослава о мостах в Новгороде (Срезн. Матер., II, 729).

Мытные пошлины брали с провоза товаров и сухим (на возах), и водяным (в ладьях и стругах) путем. Взимались также *костки* с людей, сопровождавших провозимый товар: на старых мытѣх имати пошлина с воза денга, а косток с ч(е)л(ов)ѣка денга жо... а с лод(ь)и пошлина с доски по два алтына, а болши тог(о) пошлин

¹ С. М. Каштанов. Жалованные и указные грамоты. — В сб. «Памятники русского права периода образования русского централизованного государства XIV—XV вв.», вып. 3. Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955, стр. 129.

нѣтъ. А с стрѣга алтын всѣх пошлин. . . А поѣдет мимо, и ѡнъ знаетъ свои мытъ да костки, а болѣ того пошлин нѣтъ. А поѣдетъ без торговли, ино с того мыта и пошлин нѣтъ (1484—1485 гг. Докопчание вел. кн. Ив. Вас. с вел. кн. тверским Мих. Борисовичем)². *Пятно* брали за клеймение скота, которое производилось при продаже: а за княжъ конь, иже тои съ пятномъ, 3 гривнѣ (Русская Правда). С XIII в. в перечне пошлин появляется слово *тамга*, заимствованное из тюркской среды. В последней оно обозначало не только 'клеймо, тавро на скоте', 'пробу на металле'³, но и 'денежный знак, монету'⁴, а у русских превратилось в название пошлины, взимаемой с цены товара⁵. С появлением тамги словом *мыт* стали обозначать лишь проезжую пошлину⁶. Распространение тамги как пошлины, а вместе с тем и самого названия на территории Русского государства произошло не сразу: еще в 1510 г., например, в Псков из Москвы присылались гости «тамгу уставливати, занеже во Пскове тамга не бывала, безданно торговали» (Пск. I лет.).

До конца XV в. *таможенники*, *мытчики* и *пятенщики* собирали пошлины по поручению князей или так называемых *кормленщиков* — наместников и волостелей. С конца XV в. функции кормленщиков ограничиваются, вводятся *уставные таможенные грамоты*, в которых определяются виды и размеры сборов, регламентируется и местное таможенное управление. Взимание пошлин начинают поручать «излюбленным» головам и целовальникам или отдают на откуп. После отмены кормлений в 1555 г. повсюду регламентируется взимание пошлин в *таможнях*. К этому же времени относятся и первые сведения о *таможенных книгах*, в которых производили учет сбора различных пошлин. Таможенное делопроизводство XVI в. не сохранилось. Остались лишь обор-

---

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.—Л., 1950, стр. 300.

³ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 31—32.

⁴ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 130.

⁵ А. Ц. Мерзон. Таможенные книги XVII в. «Учебное пособие по источниковедению истории СССР». Отв. ред. А. Т. Николаева. М., 1957, стр. 11.

⁶ С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 129.

ванные листки составленной около 1598 г. книги Моревской слободы (Деревская пятина).

В ранних книгах XVII в. представлено все многообразие пошлинных сборов и их названий, сложившихся в предшествующий период. Мыт дал начало большому числу проезжих сборов. Уплачивались *приезды* и *отъезды*⁷, взимались пошлины за каждое речное судно и плот, на которых везли товары. При предъявлении «явке» товаров, предназначенных для продажи, собирались такие пошлины, как *гостиное* и *явка*. Пребывание торговых людей на гостином дворе сопровождалось сбором *амбарного*, *дворового*, *теплового*, *позамочного*, *сорового* и др. Не участвующие в торговых операциях уплачивали *проезжие*, *проплавные* и *прохожие* пошлины. *Проезжие* сборы уплачивались с телег и с саней. Упоминаются, например, такие, как *полозовое*, *дужное*, *перевозное*. В числе *проплавных* пошлин встречаем *посаженное*, *побережное*, *причальное*, *отчальное*, *привязное*, *записное* и др. С лиц, сопровождавших товары, и с людей, обслуживавших речные суда, взималась *головщина* (старое — *кости*). Пешие платили *прохожую* пошлину.

Среди собственно торговых сборов отмечаются, с одной стороны, «рублевая пошлина», происходившая от прежней тамги, взимавшаяся с общей цены продаваемого или покупаемого товара, с другой — сборы, которыми облагались связанные с торговлей операции. За взвешивание товара на казенных весах, как и ранее, брали *весчее*, или, иначе, *контарное*, *дрегильное* и т. д. С продажи зернового хлеба, хмеля, ягод и т. д. взималось *померное* — прежнее *восьминичее*. С продажи лошадей и скота брали *пятно*. Торговля лошадьми облагалась еще *писчим*, *поводным*, с *шерсти* и другими сборами.

С новым периодом русской истории, который характеризуется «действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое», вызванное «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»⁸,

---

⁷ Подробно см.: А. Ц. Мерзон. Указ. соч., стр. 14. *Он же* — Устюжские таможенные книги XVII века. «Проблемы источниковедения», VI. М., 1958, стр. 80—87.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

связана реформа таможенного дела. 25 октября 1653 г. был принят Таможенный Устав. Вместо проезжих пошлин вводилась единая рублевая — по 10 денег с рубля, которую уплачивал продавец⁹. Таким образом, с середины XVII в. исчезает из активного употребления заметная группа таможенных терминов. Сложившаяся система таможенных пошлин и ведения таможенных книг просуществовала до 1754 г., когда внутренние пошлинные сборы были отменены.

В таможенных книгах получила отражение деятельность таможен и таможенных изб.

В Москве имелись Большая таможня, Посольская Новая таможня, а также Мытная изба и Померная изба. В Посольской Новой таможне являли товары приезжие иноземцы. В Мытной избе собирали пошлины с торговли скотом, сеном, лесом и некоторыми съестными припасами (кроме хлеба). Померная изба ведала взиманием сборов с торговых сделок на пшеницу, рожь, овес, солод, разные крупы, толокно, конопляное семя, горох, мак, а также на овощи и ягоды. Сохранились отрывки двух черновых книг Большой таможни «Книги записной мелочных товаров» 1694 г. (за четыре месяца) и «Книги привозных товаров» за тот же год. Обе хранятся в ГИМ (ОПИ, ф. 96, 57979) и обе опубликованы¹⁰. Московская таможня подчинялась приказу Большого прихода. Пошлины с торговли лошадьми в Москве собирал Конюшенный приказ. Известна книга 1630 г. (224 л.) сбора конских пошлин Московской конюшенной площади (ЦГАДА, ф. № 37, Боярские и городовые книги, Конюшенный приказ № 1а).

Таможенные избы в других городах собирали пошлины по всему уезду. Производилось это и на заставах, установленных на торговых путях, и на местных рынках и ярмарках, а в случаях продажи недвижимого имущества — там, где оно продавалось. Пример: июля въ Д де Добренскаго уѣз(так!) села Ратчинои драгун

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I, т. I. СПб., 1830, № 107, стр. 292—295.

¹⁰ С. И. Сакович. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. «Труды ГИМ», вып. 30. М., 1956 (далее — Моск. там. I); Книги Московской Большой таможни — Новгородская, Астраханская, Малороссийская 1693—1694 гг. «Труды ГИМ», вып. 38. М., 1961 (далее — Моск. там. II).

Троем Шұрыгин купил ізбу лѣс сосновои в том же селѣ 8 поповскои жены Полагѣи Купреяновскои пошлин взято с него 7 алтына (Доброе Городище 1660—1661 гг., ЦГАДА, Денежный стол (далее — Ден.) кн. 329, л. 1214 об.).

В большинстве городов пошлины собирали одновременно с питейной прибылью под руководством выборного головы¹¹. До 1653 г. его именовали головой таможенного и кабацкого двора, а затем — головой таможенного и кружечного двора. Головы выбирались из числа состоятельных посадских людей, черносошных и дворцовых крестьян. В первой половине XVII в. головы присылались из других, соответственных по размерам городов. В елецкой таможне, к примеру, в 1646—1647 и 1647—1648 гг. таможенными и кабацкими верными головами были воронежцы Первой Толмачев, а затем — Терентий, Пажетный. Позднее было велено «во всех городех посадским людям таможенные и кабацкие и всякие службы служить где кто в котором городе живет». На службу в сибирские города продолжали, однако, посылать опытных торговых людей, преимущественно из Поморья. Целовальники выбирались в количестве, необходимом для обеспечения сбора. Одни были заняты в таможнях, другие ведали курением и продажей казенного вина. В крупнейших таможнях, Московской и Архангельской головами служили первостатейные купцы. В помощники им выбирались люди гостиной и суконной сотен.

По найму в больших таможнях работали подьячие. Им поручалось ведение всякого таможенного письма. В основном же писцовые обязанности выполняли «верные» выборные дьячки. Иногда и они были наемными: в расходъ вышло на бумагу и дьячку за роботу ноемну (так!) от писма два рѣбли дватцатъ пятъ алтнѣ четыре денги потому что выборного годового дьячка в таможеннои избѣ во РѣОм году не было (Ефремов 1660—1661 гг. Ден. кн. 329, л. 855).

Головы и целовальники служили в течение года — с 1 сентября по 31 августа, поэтому и записи в книге открываются 1 сентября и заканчиваются 31 августа. Обстоятельства, связанные с вступлением нового головы

---

¹¹ Подробно см.: А. Ц. Мерзон. Таможенные книги XVII в., стр. 17—18.

в должность, обыкновенно излагаются в начале таможенных книг.

Приведем пример: Лѣта $\neq$ 3Р $\dot{\text{X}}$ 0 2 году сентября въ Аде по гсдрву црву и великого кнзѣ Але $\dot{\text{X}}$ ѣта Михайловича всеа Великиа и Малыа и Бѣлыа Р $\dot{\text{X}}$ си самодержца указу и по грамоте из Розряду записю (так!) діака Григора Богданова воевода Гурей Ивановичь Ерговскои по выбору болховскихъ всакихъ чинов служилыхъ людей велѣлъ быть у гсдрва δ томоженнова и δ авочнова δ денежнава збору головѣ болховскому сну боарскому Ильи Исаеву сну Денисову а с нимъ целовалником и для писма дѣачку и голова Ила Денисовъ с целовалники по выбору болховскихъ всакихъ чинов служилыхъ людей принял гсдрву δ ставною грамоту за вислюю за красною печатью и наказу (так!) и томоженною избу и хлѣбною мѣру и петенныа трупки δ прежнихъ у головы и в целовалниковъ δ в Бвана Але $\dot{\text{X}}$ ѣтева сна Глушкова с товарищи и в томоженнои избѣ голова и целовалники Илья Денисовъ с товарищи по гсдрваи δ ставной грамоте и указу собрал гсдрвы томоженныа и авоиныа денежныа пошлины с товаров с вѣщихъ и не с вѣщихъ и с пита со всакихъ чинов людей а сколка со Р $\dot{\text{X}}$ 0 2 году с сентября с первого числа до РО 2 году да первого числа гсдрвыхъ пошлинныхъ томоженныхъ и авочныхъ петенныхъ и помѣрныхъ и с кокихъ чинов имени людей и с кокихъ товаров имал и в котором мѣсецѣ и в числѣ сколка собрал и то в сѣхъ книгахъ (так!) писано под сею статью порознь по стотямъ (Ден. кн. 329, л. 1337—1338).

День за днем головы и целовальники производили досмотр всех явленных в таможене товаров. Результаты досмотра сопоставлялись со сведениями о количестве товаров, сообщенными устно или объявленными в их росписи. Товары, привозимые издалека, сопоставлялись с таможенными выписями, именуемыми также проезжими выписями или проезжими грамотами, выдаваемыми торговым людям по месту первой регистрации товара. В выписи указывались названия товаров, их количество и цена, место отправления и пункт назначения, порядок уплаты сборов (пошлины вносились или до отправки груза или в другой таможене) и нек. др. Документ подписывался головой либо ларечным целовальником, т. е. казначеем. Устные сообщения, росписи и выписи служили основой таможенных записей; явил вязниковец Козьма

Степанов на телеге 460 козлин деланных, за выписью 110 выхохолей, 18 заячин, 10 прох сыромятных, 4 выроска сыромятных. п[одьячий] Иван Попов; записал по вязниковской отпускной выписи (Моск. там. I, стр. 103). Хотя приезжие торговые люди и ориентировались на столичные нормы, из выписей, составленных на местах, в лексику таможенных книг попадали некоторые элементы регионального характера. Так, в московских таможенных книгах находим отдельные областные слова. Примеры: воронежец по воронежской выписи явил 2 *сайгачины* (Моск. там. I, 47); брянченин явил 3000 *дуль* (там же, 36); путимец — 3 *килимца* (там же, 27); ярославец — 60 *обувейчелпанов* (там же, 14). Представлены и местные формы отсчета: вязьмитин явил 6 кадей, да 14 *бересней* меду (там же, 14), а шатчанин — 10 кадей, да 2 *туеза* меду (там же, 18), по смоленской выписи являлось 700 *голов* рогов коровьих (там же, 16), а вязьмитин явил 100 *животин* рогов бычьих (там же, 14), тверитин — 14 *гнезд* рогов козлиных (там же, 91) и т. д. Таким образом, при исследовании лексики таможенных книг необходимо учитывать не только место их составления, но и указания на место первичной регистрации товара. Еще несколько примеров, подтверждающих этот вывод. Слово *дробля* как название мелкой рыбы употребляется в таможенных книгах Москвы только по отношению к рыбе, привезенной с запада и с юга: явил старорусские приказные избы подьячий. . . по новгородской выписи воз рыбы большины в дроблю (Моск. там. II, 31); явил новгородец. . . по новгороцкой выписи. . . 5 бочек ошашковских дробли (там же, 27); явил стольника и полковника Михаила Тимофеева сына Челищева человек его. . . 2 полувоза рыбы свежей [дробни] плотвы и окуней (Моск. там. I, 34) (поместья Челищевых находились на юге). Кстати и *плотва* в московской таможенной книге встретилась только в этом тексте; из северных областей привозили *плотицу*: явил Ростовского уезду села Воржи. . . 3 воза рыбы ершей и плотиц (Моск. там. I, 14); явил новгородец. . . по новгороцкой выписи. . . 2 воза окуней с плотицами (Моск. там. II, 45). Название *плотица* не встречается в южновеликорусских таможенных книгах.

Нечто аналогичное находим и в отношении форманта *-ев*. Касаясь распространения форм на *-ев* (типа *рублев*) в современных говорах, С. П. Обнорский отмечает, что

они характерны для северновеликорусской области¹². В московских таможенных книгах формы вроде *лещев, угрев* обнаруживаем в записях в связи с привозом товаров с севера: явил новгородец. . . по новгородкой выписи. . . 4 бочки лещев (Моск. там. II, 27).

Сопоставляя выписи и устные сообщения с данными голов и целовальников, писцы вносили в черновые книги заметки, к примеру, такого рода: Февраля в 6 де[нь]. . . явил вязьмятин. . . Савелей Кузьмин сын Лилянов по зачотной выписи села Духовщины на 3 саях 22 кади, 2 лубки, 8 горшков меду сырцу весом 55 пуд 30 ф.; а по московскому весу 68 пуд; 170 заячин белых, 30 заячин серых. Сверх выписи 20 заячин. Цена всему вещему и невещему товару 41 р.; в том числе зачтена села Духовщины [выпись] в 31 р., по 5 денег с рубля; [пошлин] 1 р. 9 а. 1 д. (Моск. там. I, 13).

Как видим, в таможенную статью включались довольно разнообразные сведения. Отмечалась дата явки товара — год, месяц и число (вообще таможенные книги, как правило, датированы). Назывались лица, участвовавшие в сделках, причем полностью, отчеством и фамилией — представители верхних слоев, остальные назывались по именам и отчествам или именам и прозвищам¹³. Обычно указывалось также, где постоянно живет торгующий. Отчетливо разделялись иногородние и местные. Упоминалось и социальное положение торгующих (*посадские люди, стрельцы, пушкарки, затынчики* и т. д.). Обилие таких упоминаний отличает южновеликорусские книги. По наблюдениям А. Ц. Мерзона, они не характерны для таможенных книг Смоленска, Касимова и Тихвина, нет их и «в большинстве записей, помещенных в. . . таможенных книгах Поморья, а также ряда других областей (видимо, северных. — Н. К.)»¹⁴.

Иногда в книгах встречаем и сведения об этнической принадлежности торгующих, например в касимовских и саранских часты упоминания о торговцах *татарах* и *мордвинах*. При регистрации иностранцев отмечалось, *аглинской, анбурской, барабанской* или *галанской* земли

---

¹² С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 232.

¹³ См.: А. Ц. Мерзон. Таможенные книги XVII в., стр. 28.

¹⁴ Там же.

они иноземцы. Употреблялись вместе с тем названий *агличане, немцы* или *немчины*.

В книги вносились записи, откуда прибыли продавцы или покупатели и куда они следуют.

Вслед за сведениями о торгующих приводились и данные о товарах, явленных в таможне. Отмечались их названия, в необходимых случаях указывался сорт, цвет, размер и другие особенности. Наименование товара и его качественное или количественное определение, независимо от того, выражается это общерусским или диалектным словом, в таможенных книгах является строго определенным. В этом смысле можно говорить об известной терминологизации.

Иногда конкретное перечисление товаров уступает место обобщенным названиям: *хлеб, хлебные запасы* — зерно, мука, крупы и т. д., *москотильный товар* — краски, белила, сандал и др., *щепье* — деревянная посуда, *городовой товар* — предметы, привозимые из города, т. е. из Архангельска. В белой севской таможенной книге 1660—1661 гг. упомянута *соляная* продажа (Ден. кн. 329, л. 1541), *суконная* продажа (там же, л. 1538), *медвенная* продажа (там же, л. 1549), *хлебная* продажа (там же, л. 1557), *железная* продажа (там же, л. 1559) и т. д. В книгах северных городов порой встречаем записи о покупке товаров «на сибирскую руку», «на пермскую руку», «на сысольскую руку», на «туглимскую руку». Так говорится о товарах, предназначенных для отправки в соответствующие города.

Предопределенное содержанием таможенных книг обилие предметных наименований заключает в своем составе названия зерновых и огородных культур, предметов пушного и рыбного промыслов, металлических изделий, а также изделий из дерева, глины и стекла, названия тканей и одежды, кожаных изделий и т. д. Сведения, которые содержат книги по каждой из этих тематических групп, позволяют исследовать эту лексику и в плане географического распространения, и в структурно-семантическом плане. Любопытен, к примеру, следующий факт. Шкуры животных, составлявшие предмет пушного промысла, назывались обычно так же, как и сами звери: *бобры, барсуки* на юге или *язвецы* на севере, *рыси, песцы, лисы, норки, волки* или, в тамбовских книгах, *бирюки, выдры* или, на юге — *поречные*. Соответственные образо-

вания на *-ина*: *лосина, козлиная, овчина, конина, оленина, изубрина; жеребетинка* и т. д. (на юге известно было и название *хоравина* с определениями *лосиная, изубря, говязья, яловичья* и т. д.) относились обычно к тем животным, которые не давали пушнины. Только по отношению к зайцам допускалась вариативность — *зайцы* и *зайчина*. В таможенные книги Устюга Великого, Соли Вычегодской и Тотьмы вносились только *зайчины*, а в южновеликорусских книгах преобладали *зайцы*: три зайцы (Курск 1623—1624 гг., Ден. кн. 79, л. 3 об.) продал. . . на две гривны *самцов* (Усерд 1656—1657 гг. Сиб. кн. 405, л. 1305 об.) и т. д. В записях по Москве *зайцы* встретились только дважды, как привозные с юга — из Ливен (Моск. там. I, стр. 11) и явленные по белгородской выписи (Моск. там. II, стр. 81). По-видимому, для Москвы нормой была *зайчина*: ладожанин по ладожской выписи явил *зайцев*, а в Москве их записали: *зайчины* (Моск. там. II, стр. 51—52). Этот пример показывает, что по данным московских таможенных книг можно было бы исследовать некоторые нормы московской речи XVII в. Черновые записи в таможенных книгах других городов (Устюга Великого, Тихвина, Смоленска) также могут дать интересные сведения о взаимодействии местных языковых норм как с нормами общерусскими, так и с диалектными.

Значительное количество местных наименований включают записи об измерении товаров. «В ряде записей, — сообщает, например, исследователь северных таможенных книг, — масло измеряется черепами, мед — бураками, воск — безменами, хмель — кипами, мясо — полтями и тушами, рыба — ведрами, бочками и кадиями, «сухая» рыба — беременами, ягоды — пестерями, уголь — клетками, сено — копнами, лен — кирпичами, конопля — повесами, лыки — пленками и пучками, холст и сукна — концами, прядено сетное — пасмами, гвозди — коробками и т. д.»¹⁵ Такие названия, как *бурак, беремья, пестерь, кирпич, повесмо, пасма*, — явно диалектные. Немало диалектных названий и в книгах, приуроченных к южновеликорусской территории: карповец продал *караман* рыбы (1660—1661 гг. Ден. кн. 329, л. 1125), другой карповец явил *лантух* хмелю (там же, л. 1131); усманец

---

¹⁵ А. П. Мерзон. Устюжские таможенные книги XVII в., стр. 102—103.

продал *одонья* ржи (там же, л. 1514 об.); в Тамбове и селе Морши Верхородской волости счет рыбы вели *кадцами*: двѣ кадцы колотои щук кадца роженнику (там же, л. 1715 об.), двѣ катцы солонои рыбы (там же, л. 1953) и т. д.

В некоторой части таможенных книг, кроме приходных записей, наличествуют и расходные. Например: 164-го году книги Соли Вычегодской, что вышло денег на таможенной расход.

Куплено бумаги писчие на таможенной расход и на книги на рубль на 8 ал., на 2 л.

Куплено дров к таможенной избе на 12 ал. на 4 д.

Вышло салных свеч на весь год в таможенной избе, всего на 30 на 2 ал., на 2 д.

Да купили на таможную избу на анбаре с сеньми у посадского человека у Ивашка Оверкиева. Дано за избу со всем, и от развалки, и от воски, и от подымки, и от печи, всего 26 р. 16 ал. 4 д.¹⁶

В расходной части таможенных книг не менее предметных наименований, чем в приходной. В основных в расходных статьях находим наименования дворовых строений, винокуренной и иной утвари: окованы кондѣтки мѣдныя желѣзными ручками (Воронеж 1658—1659 гг., Ден. кн. 342, л. 37), куплено десеть мастюжекъ да десеть черепенякъ (там же, л. 39), куплено дватцать пять аршин толстыя на мѣхи (там же, л. 41 об.), куплено двѣ рогожи цыновки на решетѣки къ выходу і къ погребу (там же, л. 42), куплена стоіка на квосникъ (там же, л. 46), куплено два корца да обратина (там же, л. 48) и т. д.

В записях о сооружении строений, ремонте инвентаря попадаетея значительное число отглагольных образований, не встречающихся в приходной части: *развалка*, *возка*, *подымка*, *наженье*, *ляло* и т. д. Отдельные развернутые расходные записи содержат некоторый материал и для наблюдений над синтаксисом разговорной речи: октября въ Е де починевали на винокурни окола двора плетнемъ полавина двора вновь да к авину придѣлали двѣрть новаю да в том же авине здѣлали печь да у вина-

---

¹⁶ Таможенные книги Московского государства XVII века (далее — Там.). Т. II. Северный речной путь, Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотма в 1650—1656 гг. Под ред. А. И. Яковлева, М., 1951, стр. 502.

курни ж здѣлали очеп в чем катлу быть заторачнаму да пят чанав збили внос да калоду починевали в чем быт трубамъ и тово усево стала на ту дѣлку и работникамъ и плотникамъ пятнацат рублев дватцат три алтын двѣ денги (Елец 1658—1659 гг. Ден. кн. 342, л. 467 об. — 468); или: сентебря в шестыи день куплено халъстины на мешки что на винокурни солод носить трытьцать аршин дано дватцать алтынъ (Воронеж 1658—1659 гг. Ден. кн. 342, л. 36 об.) и т. д.

Наиболее полные и подробные записи находим в книгах таможен, располагавшихся в особенно важных по экономическому значению городах — Москве, Великом Устюге, Тихвине, Смоленске и нек. др. Естественно, и черновые записи в книгах этих городов более подробны. Поскольку таможенники стремились операции знатных купцов записывать в одном месте, то вслед за первой записью в черновых книгах оставлялось место для внесения записей о последующих оборотах того же самого купца. Поэтому и в беловых книгах хронологическая последовательность торговых операций не всегда выдержана. В черновых книгах получила отражение и подготовка их к последующей переписке набело¹⁷. В конце года проставлялись общие результаты участия каждого из торговых людей в рыночных операциях, включались сведения о количестве проданного и отправленного в другие пункты товара, об остатках товаров, переходящих на будущий год. Подсчитывались размеры таможенных сборов, которые должны быть взысканы с того или иного продавца. В беловых книгах прослеживается упорядочение и перегруппировка первичных данных. Записи перемещаются с одного места на другое, появляются месячные и годовые итоги сбора пошлин. Все сказанное относится прежде всего к таможням с большими оборотами, по которым сохранились обширные записи и некоторое число черновых книг.

По большинству же небольших таможен, особенно южновеликорусской зоны, остались только беловые записи, причем некоторые из этих записей лишь условно можно назвать таможенными: собственно таможенные статьи в книгах подобного рода перемежаются с записями

---

¹⁷ Подробно см.: А. Ц. Мерзон. Таможенные книги XVII в., стр. 22.

сбора доходов от винокурения, бань, мельниц и т. д., иначе говоря, всех статей сбора, которыми ведали таможенные и кружечные головы и целовальники.

Скрепленная таможенным головой, ларечным и другими целовальниками беловая книга высылалась в приказ. Второй экземпляр белой книги указано было оставлять в таможене «для примеру». Беловые книги писались, понятно, более тщательно и аккуратно. Они состоят из ряда тетрадей, обыкновенно имеют переплет, писаны одним (в отличие от черновых), редко двумя-тремя почерками. Изредка в них встречаем упоминания о писцах, обыкновенно связанные с оплатой последних: дано государева жалованья таможенному дьячку годового найму от письма и от таможенных книг 12 р. (Там. II, стр. 502); дьячку Мотюшке Ресанцову дано за письмо на год чатыре р8бли (Елец 1629—1630 гг., ЦГАДА, Разрядные вязки, в. I, ч. 1, № 16, л. 37). Подобные сведения обычно находим в расходных записях по таможенному и кружечному дворам. Помещались эти записи в конце таможенных книг. В конце расходных записей встретилось и рукоприкладство таможенного дьячка: воронежец таможеннои дьячок Игнашка Тархов руку приложилъ (Воронеж 1657—1658 гг., Ден. кн. 319, л. 50). Редки случаи подписывания книг, наподобие, скажем, такого: а сборныя таможенныя и крѣжечнаг двора книги писал ливенског томоженнаг и крѣжечнаг двора вернои выборнои дъечекъ Веденка Аристовъ (1660—1661 гг., Ден. кн. 356, л. 402 об.). Писцы таможенных книг были людьми местными. Об их происхождении из местной среды свидетельствуют и их речевые особенности. Особенно заметно проявляется местная стихия в южновеликорусских книгах, поскольку общерусская орфографическая норма строилась не на южной, а на иной основе.

Итак, таможенные книги представляют собой, как правило, датированные и локализованные источники, заключающие обширный лексический и фонетико-морфологический материал для исследования русского языка в пределах почти всей территории Русского государства.